Департамент культуры Воронежской области
АУК ВО «Историко-культурный центр
«Дворцовый комплекс Ольденбургских»

Ольденбургские чтения

Материалы краеведческих чтений, посвященных 170-летию со дня рождения принцессы Е.М. Ольденбургской

Воронеж
Центр духовного возрождения
Черноземного края
2015

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор)
О56

О56 **Ольденбургские чтения.** Материалы краеведческих чтений, посвященных 170-летию со дня рождения принцессы Е.М. Ольденбургской / [под науч. ред. Н.А. Комолова]. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 64 с.

ISBN 978-5-91338-137-8

Книга представляет собой сборник научных докладов, прочитанных участниками краеведческих чтений, проведенных в поселке Рамонь 6 апреля 2015 г. и посвященных 170-летию со дня рождения принцессы Е.М. Ольденбургской. Публикуемые материалы отражают биографию благотворительницы и попечительницы многочисленных учреждений Евгении Максимилиановны Ольденбургской (1845-1925) и содержат новые факты, связанные с историей ее рамонского Дворца - архитектурной жемчужины Центрального Черноземья. Для читателей, интересующихся историей Воронежского края, династии Романовых.

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор)

ISBN 978-5-91338-137-8

© Комолов Н.А., научное редактирование, 2015
© Образцова Л.А., Комолов Н.А., Акиньшин А.Н., Попов П.А., Кригер Л.В., Иванова М.А., текст, иллюстрации, 2015
© Центр духовного возрождения Черноземного края, оригинал-макет, 2015

Е.М. Лейхтенбергская.
Санкт-Петербург. Начало 1860-х гг.

Дорогие читатели!

Весной этого года исполнилось 170 лет со дня рождения Евгении Максимилиановны Ольденбургской, жизнь и деятельность которой была связана с Рамонской землей. При ней Рамонь расцвела, превратилась в образцовое капиталистическое хозяйство России. Появились новый корпус сахарного завода, фабрика конфет и шоколада, водонапорная башня, конезавод, железнодорожная ветка, зверинец. Для населения были построены лечебница и школа. В 1887 г. возведен дворец, который является одной из главных культурных достопримечательностей Воронежского края. Семья Ольденбургских всегда была образцом долга, чести и любви к Родине.

В честь юбилея принцессы в Рамони 6 апреля состоялось праздничное мероприятие, включившее фотовыставку «Неизвестная Евгения», презентацию книги Л.А. Образцовой «Ольденбургские» и краеведческие чтения. Прозвучавшие доклады, связанные как с биографией нашей героини, так и с историей самого Дворца, вызвали большой интерес участников торжества. Публикацией этих материалов, богато иллюстрированных, мы отдаем дань принцессе Евгении Ольденбургской – прекрасной женщине, меценатке, раскрывшей многие грани своего таланта.

Полагаю, что эта книга является своеобразным духовным вкладом в дело продолжающегося возрождения Дворцового комплекса Ольденбургских, которое осуществляет большой коллектив профессионалов и единомышленников при поддержке губернатора Воронежской области Алексея Васильевича Гордеева и его супруги Татьяны Александровны Гордеевой.

Очень надеюсь, что представленные в книге статьи помогут еще более глубоко осмыслить как жизнеописание принцессы Евгении и других членов рода, так и историю самого Дворца.

***Н.А. Чернышова**, директор АУК ВО «ИКЦ «Дворцовый комплекс Ольденбургских»*

Образцова Л.А.

Труды и дни принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской

Евгения Максимилиановна Ольденбургская известна в истории как благотворительница и попечительница многочисленных учреждений и заведений. Она родилась 20 марта (1 апреля) 1845 г. в Санкт-Петербурге в семье великой княгини Марии Николаевны, любимой дочери Николая I и герцога Максимилиана Лейхтенбергского из Баварии. Отец увлекался живописью, владел огромной картинной галереей в Мюнхене, где находились полотна Рафаэля, Беллини, Ван Дейка, Веласкеса, Мурильо и других великих мастеров. Большинство этих шедевров переехало в Мариинский дворец, подаренный молодым к бракосочетанию. В России Максимилиан пополнил коллекцию произведениями И.К. Айвазовского, К.П. Брюллова, Т.А. Неффа, покровительствовал их авторам. Он был избран президентом Академии художеств. В его бытность там было открыто Мозаичное отделение, Московская художественная школа.

Максимилиан обладал обширными познаниями и в области естественных наук. Он интересовался изучением электричества, в частности, гальванопластики, а также минералогией, был главноуправляющим Института горных инженеров, членом Акаде-

Матэ В.В. Принцесса Е.М. Ольденбургская. 1900-е гг.

мии наук. В России герцог оборудовал Максимилиановскую лечебницу[1].

Мария Николаевна покровительствовала учреждениям, и так же, как супруг, коллекционировала картины и возглавляла Общество поощрения художеств.

Росла княжна Евгения с пятью братьями и сестрами. Образование она получила традиционное: история, география, иностранные языки, русский язык, танцы, рисование, музыка. Природные способности, унаследованные от родителей, дали возможность развиваться художественным талантам Евгении, а любознательность и активность позволили с юных лет включиться в общественную и культурную жизнь Петербурга.

Дружила Евгения с великими князьями, в том числе со своим двоюродным братом, цесаревичем Александром, будущим императором Александром III. Молодые люди весело проводили время: скакали верхом в Павловском парке, слушали музыку Штрауса, катались на лодках или удили рыбу в озерах дворцового парка, устраивали пикники и вечеринки. О ней говорили: «Евгения Лейхтенбергская притягивала людей бьющей через край

Великая княгиня Ольга Александровна и принц П.А. Ольденбургский

энергией и оптимизмом». В этой компании она познакомилась с будущим мужем Александром Ольденбургским. Они были близки по духу, так как Ольденбургские тоже были известны в России как просветители и благотворители, чьи заслуги высоко оценило государство. В 1868 г. состоялось их бракосочетание, и в том же году родился единственный сын, принц Петр, будущий муж великой княжны Ольги Александровны. Супруги прожили долгую жизнь в мире и согласии.

Евгения Максимилиановна проявляла большой интерес к общественной и культурной жизни Санкт-Петербурга. Она выступала как:

– президент Минералогического общества;

– почётный член Благотворительного общества для оказания

помощи престарелым гувернанткам и учительницам;

– почётный член Общества вспомоществования калекам;

– попечительница общины сестёр Красного Креста;

– попечительница Рождественской женской гимназии, переименованной в 1899 г. в гимназию принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской[2].

2 апреля 1870 г. она стала покровительницей Дома Милосердия – после смерти матери – основательницы и первой его покровительницы, с 1894 г. стала попечительницей Максимилиановской больницы.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Евгения Максимилиановна возглавила Порт-Артурский «Комитет по оказанию помощи раненым солдатам и увековечиванию памяти павших». Она была почётным членом Императорского Российского автомобильного общества (ИРАО), организованного в 1903 г., занимала пост председателя Императорского общества поощрения художеств, которое перешло ей от матери.

Е.М. Ольденбургская помогала молодым талантливым художникам пробиться в жизни, отправляла их для обучения за границей. Помощь получили художники – В.М. Васнецов, И.Н. Крамской, братья Чернецовы и др. В Обществе ею была учреждена художественная премия. Не менее значительна была её деятельность по созданию широкой сети художественных школ в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Она была инициатором устройства в рабочих кварталах рисовальных школ, издания сборника художественно-промышленного рисунка[3].

Под покровительством Евгении Максимилиановны находилась «Община Святой Евгении». Она имела своё издательство, и одна из первых в России стала выпускать художественные открытые письма (открытки). В 1898 г. они поступили в продажу. За 20 лет существования общество изготовило 6500 наименований от-

крыток общим тиражом более 30 миллионов экземпляров. Акварельные изображения выполняли известные художники – И.Е. Репин, В.М. Васнецов, А.Н. Бенуа, К.Е. Маковский, Н.К. Рерих и др. Вышла серия открыток с репродукциями из Третьяковской галереи, Румянцевского музея, Эрмитажа. Определенный интерес представляют и открытки с рисунками Евгении Максимилиановны, Ольги Александровны, выпущенные Общиной Святой Евгении[4].

Изделие Рамонской конфетной фабрики

В 1879 г. она получила подарок от дяди-императора Александра II – имение Рамонь в Воронежской губернии, где продолжилась ее активная деятельность[5].

Евгению Максимилиановну отличало новаторство, широта взглядов и все свои способности она применила в Рамони. Она реконструировала сахарный завод, открыла рафинадный цех. Для сбыта продукции протянула железнодорожную ветвь до станции Графская[6]. В 1900 г. было пристроено трехэтажное здание конфетной фабрики с применением паровых машин. И в скором времени она получила известность в мире, а на европейских конкурсах продукция завоевывала медали и призовые места. Вся продукция упаковывалась в красочную, высокохудожественную и качественную упаковку, а над созданием эскизов работали ученики художественных школ под руководством известных художников.

Помимо этого, принцесса Е.М. Ольденбургская открыла ко-

Продукция Рамонской конфетной фабрики

незавод, ковровую мастерскую, начальную школу, лечебницу, бесплатную столовую для рабочих, общежитие для прибывших инженеров. Проводилась электрификация, была построена водонапорная башня и система водопровода. А на противоположном от дворца берегу реки Воронеж огородили участок леса – «зверинец», где устраивались охоты. Принцесса завезла благородных оленей, которые ранее не жили в этих местах.

Все предприятия, построенные ею, назывались образцовоустроенными. Почти ежедневно хозяйка лично обходила цеха и складские помещения, столовую, свекловичные плантации, обязательно заходила в школу, посещала больницу, семьи рабочих, следила за порядком.

А сколько творческих сил, души и таланта вложила Евгения Максимилиановна в обустройство своего дворца. Принцесса занималась пирографией – выжиганием. Еще ко дню 50-летия Училища правоведения она подарила церкви Училища выжженную собственноручно на дереве икону «Образ святой великомученицы Екатерины»[7]. Теперь она выжигала в Рамони. Потолок библиотеки во дворце был украшен деревянными четырех – и восьмигранниками с выжженными собственноручно принцессой рисунками. В углу стояли инициалы хозяев дворца – Е. А. П. – что означало Евгения, Александр, Петр и год – 1887-й[8].

В комнатах верхнего этажа размещались многочисленные картины известных художников и самой принцессы. Нередко она их дарила. Так известно, в коллекции живописи чиновника М.Н. Галкина-Враского хранился рисунок принцессы Евгении Ольденбургской «Бедуин в пустыне».

Она посещала Воронеж, была председателем Благотворительного общества, Воронежского отделения Московского сельскохозяйственного общества, попечительницей Мариинской женской гимназии и Николаевской мужской прогимназии, жерт-

вовала им суммы денег. В Воронеже существовала бесплатная рисовальная школа, состоящая в ведении Воронежского кружка любителей рисования. Ее под свое покровительство приняла принцесса. Не раз она посещала эту школу[9].

За свою деятельность Евгения Максимилиановна Ольденбургская была отмечена Мариинским знаком отличия «За беспорочную службу Отечеству на ниве благотворительности и просвещения».

Последние годы жизни супруги Ольденбургские провели во Франции, в Биаррице. Принцесса тяжело болела, была парализована и прикована к инвалидной коляске. Скончалась она 4 мая 1925 г. Похоронена вместе с мужем в собственном склепе-усыпальнице[10].

---

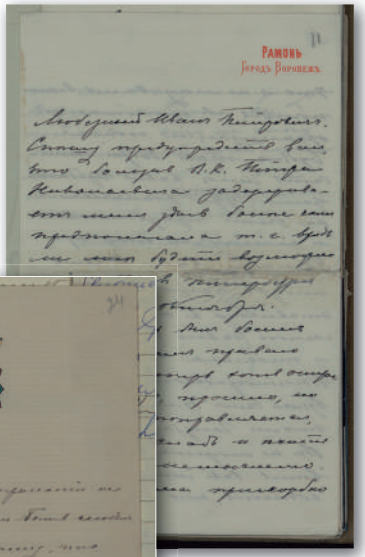
1 Образцова Л.А. Ольденбургские. Изд. 2-е. Воронеж, 2008. С. 163.
2 Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Санкт-Петербург, 2012. С. 192.
3 Образцова Л.А. Указ. соч. С. 173.
4 Образцова Л.А. Ольденбургские. Изд. 3-е. Воронеж, 2014. С. 40.
5 Ильинский Н.В. Рамонь. Воронеж, 1984. С. 27.
6 Там же.
7 Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения. Санкт-Петербург, 2006. С. 64.
8 Ильинский Н.В. Указ. соч. С. 28.
9 Образцова Л.А. Указ. соч. С. 195.
10 Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Указ. соч. С. 245.

Комолов Н.А.

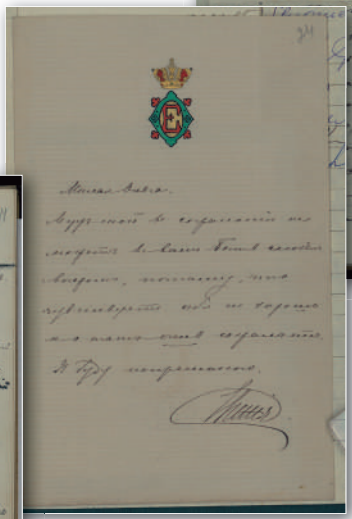
Обзор материалов к биографии принцессы Е.М. Ольденбургской в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга

Поиск документальных материалов к биографии и, прежде всего, рамонскому отрезку жизни Евгении Ольденбургской и членов ее семьи остается актуальной исследовательской задачей, особенно в контексте формирования экспозиции дворцового комплекса Ольденбургских. В связи с этим в 2014 г. мною были изучены 10 архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. При этом стояла цель визуально просмотреть и отобрать документы, не просто ценные в историческом отношении, но и привлекательные внешне, поскольку в перспективе многие из них должны стать частью постоянной экспозиции. Особую ценность представляют документы с вензелем принцессы, гербом Ольденбургских, подписями Евгении Максимилиановны, бланком ее конторы в Рамони и др. Я признателен историку А.Н. Акиньшину за предоставление библиографической базы по Ольденбургским, материалы которой были использованы при работе в трех архивохранилищах.

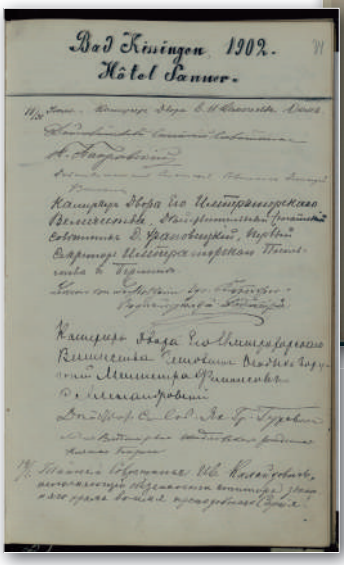
С именем нашей героини связаны 42 документа. Начнем об-



Письмо Е.М. Ольденбургской – И.П. Балашову. РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 484. Л. 11

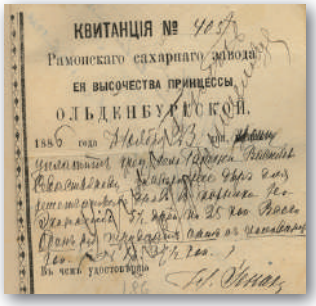


Письмо Е.М. Ольденбургской – княгине О. Волконской. РГИА. Ф. 844. Оп. 2. Д. 381. Л. 24



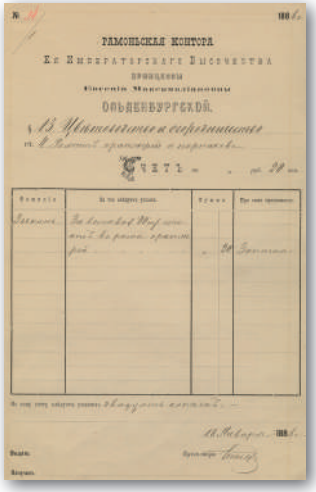
Книга записи визитов принцессы Е.М. Ольденбургской. РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 529. Л. 34

зор с Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург). В фонде «Контора Двора великой княгини Ольги Александровны» представляет интерес книга записи визитов принцессы Е.М. Ольденбургской с 1874 по 1913 гг.[1]. Записи сделаны на курортах за границей, куда на аудиенцию к принцессе наведывались как иностранцы, так и знатные российские особы.


КВИТАНЦІЯ № 407
Рамонскаго сахарнаго завода
ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦЕССЫ
ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ.

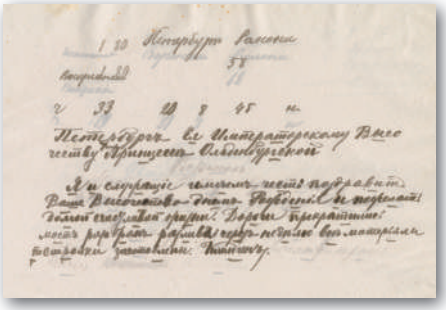
Квитанция Рамонского сахарного завода. 1886. ОР РНБ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 108. Л. 186

В фонде Волконских сохранились письма Евгении Ольденбургской к княгине Ольге Волконской[2], в фонде Балашовых – к обер-егермейстеру, вице-президенту Общества поощрения художеств Ивану Петровичу Балашову. Примечательно письмо к нему принцессы из Рамони от 9 октября 1889 г. с упоминанием, что ее держит здесь болезнь князя Петра Николаевича дольше, чем она предполагала[3]. Имя Евгении Максимилиановны фигурирует и в брачном договоре Ольги Александровны с Петром Ольденбургским, составленном на французском языке[4].


РАМОНЬСКАЯ КОНТОРА
Ея Императорскаго Высочества
принцессы
Евгении Максимилиановны
ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ.

Лист расходов Рамонской конторы. ОРРНБ.Ф.543.Оп.1.Д.108.Л.3

В РГИА также есть небольшой фонд Ольденбургских (23 ед. хр.), в основном посвященный принцам Петру Георгиевичу (1812–1881) и Александру Петровичу (1844–1932). В этом фонде имеется



Телеграмма принцессе Е.М. Ольденбургской из Рамони. ОР РНБ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 109. Л. 216

общепринятая родословная таблица принцев Ольденбургских 1914 г., составленная на обычных тетрадных листах на английском и французском языках[5].

При изучении рода невозможно обойти вниманием фонд 543 «Ольденбургские» (126 ед. хр.), находящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, Санкт-Петербург). Здесь содержится немало материалов о жизни и деятельности Георга и Петра Георгиевича Ольденбургских. 11 единиц хранения связано с именем принцессы. Ценность для исследователя истории ее рамонского имения представляют дела, содержащие помесячные перечни расходов, произведенных конторой сахарного завода за 1884 и 1886 гг. Общий объем обоих дел – около 1000 листов. Они содержат счета, квитанции, расписки, списки на выдачу жалованья служащим и рабочим сада, есть образцы официального бланка Рамонской конторы[6]. Расходы пунктуально фиксировались. Например, в параграфе «Цветоводство и огородничество» отмечены статьи «Ремонт оранжереи и парников», «Содержание личного состава», «Наем поденных» («за выкорчевку дерев и вскопание земли в саду)» и др.

Значительный объем информации имеет дело почти в 500 листов, содержащее телеграммы служащих конторы завода принцессе Е.М. Ольденбургской и другим лицам по хозяйственным и финансовым вопросам за 1887–1888 гг.[7]. Затрудняет изучение документов то, что все телеграммы на папиросной бумаге, многие

выцвели и плохо читаются. В них встречаются интересные сведения, например, об освящении в Рамони новой больницы 1 ноября 1887 г. или премировании серебряной медалью местного сахара. Сохранилось поздравление управляющего имением Ивана Клингена и служащих Евгении Ольденбургской с днем рождения (20 марта 1887 г.).

В фонде Ольденбургских Отдела рукописей также представляют интерес книга для росписи посетителей дома принцессы за 1899 г.[8], отчет Попечительства о бедных Рождественской части Санкт-Петербурга за 1888 г., находящегося под покровительством принцессы Е.М. Ольденбургской. В отчете упоминается о пожертвовании Евгенией 200 руб. и 1126 аршин ситца[9]. Внимание исследователей могут привлечь также каталоги и списки, составленные библиотекарем принцессы Ф.К. Эльсгольцем, обработавшим в 1890-е гг. ее собрание:

1) каталог редких и ценных книг с 1457 г. на русском и иностранных языках[10];

2) список акварелей из собрания принцессы, отосланных по ее приказу в Москву великому князю Сергею Александровичу на французском языке[11];

3) инвентарный список рисунков и акварелей на французском и русском языках, содержащий 329 позиций[12];

4) инвентарная опись медицинских сочинений, содержащихся в библиотеке принцессы[13].

Новые документы о Евгении Ольденбургской, ее активной благотворительной деятельности впервые удалось выявить в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СПБ, Санкт-Петербург). Сохранилось обращение к министру народного просвещения от управляющего Петербургским учебным округом в 1894 г. о присвоении бесплатной начальной школе, содержимой попечительством о бедных Рождественской части, названия «Ев-

геньевской» в честь принцессы[14]. Большой интерес представляют дела о принятии Е.М. Ольденбургской званий покровительницы Петербургского комитета попечения о сестрах Красного Креста 1886 г.[15], Почетной председательницы Петербургского попечительного о сестрах милосердия общества Красного Креста комитета[16], покровительницы Гаванского родильного приюта[17].

По случаю 25-летия их брака Александр Петрович и Евгения Максимилиановна Ольденбургские пожертвовали 3000 рублей, проценты с которых должны были ежегодно выдаваться в приданое трем беднейшим в столице невестам[18]. В честь высокой четы были учреждены и отдельные стипендии в женском училище принцессы Терезии Ольденбургской[19].

В архиве сохранился послужной список принцессы Е.М. Ольденбургской, составленный в 1902 г. в связи с ее награждением Мариинским знаком отличия беспорочной службы 1-й степени. Знак жаловался лицам женского пола за долговременную усердную службу в благотворительных и воспитательных заведениях, состоящих в непосредственном ведении императора и членов Высочайшего Дома. В том же деле имеется свидетельство, данное Е.М. Ольденбургской, на право ношения нагрудного знака в память 100-летия Женского патриотического общества – старейшего и наиболее влиятельного женского благотворительного общества в стране[20].

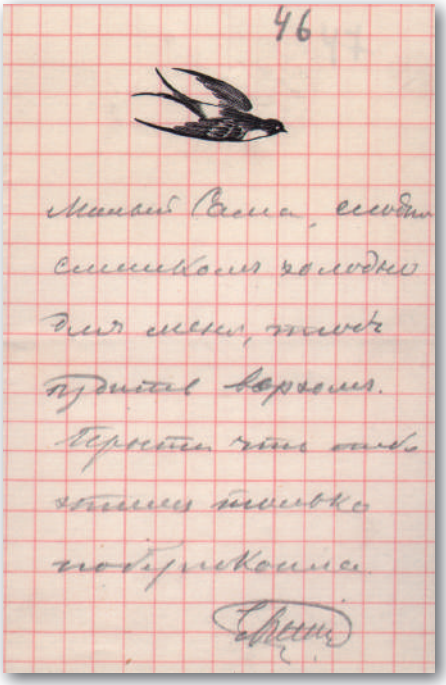
Одну документальную единицу хранения, имеющую отношение к принцессе Е.М. Ольденбургской, удалось выявить в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ, Санкт-Петербург). Дело датировано 1917–1918 гг. и касается привлечения парохода «Принцесса Ольденбургская» Русского общества пароходства и торговли к исполнению военно-судовой повинности в составе транспортной флотилии Черного моря[21]. В архиве также сохранились фотографии судна за 1900–1918 гг.[22].

В разных фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва) в основном содержатся материалы, относящиеся к великой княгине Ольге Александровне. Однако встречаются и дела, связанные с биографией нашей героини. Это – письма Е.М. Ольденбургской к известному адвокату А.Ф. Кони 1877 г.[23], 9 писем к Ольге Александровне 1901–1905 гг. (в том числе и поздравление с заключенным браком)[24]. Сохранилась недатированная фотография Е.М. Ольденбургской и баронессы Варвары Мейендорф (урожденной Шервашидзе)[25].

Письмо Е.М. Ольденбургской – великому князю Александру Александровичу. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 851. Л. 45

Особый интерес, как для биографов, так и для будущей экспозиции представляют письма и телеграммы Е.М. Лейхтенбергской, написанные до ее замужества к представителям дома Романовых, своим высокопоставленным родственникам: великим князьям Владимиру Александровичу[26], Петру Николаевичу[27], наследнику Александру Александровичу, будущему императору Александру III[28], императрице Марии Александровне[29]. Написаны они на русском и французском языках. Переписка включает поздравления к дням рождения, телеграммы о приглашении на обед, письма о здоровье, соболезнования, благодарности за присылку презентов и др.

Сохранились 43 письма к наследнику Александру Александровичу за 1862–1881 гг. Они интересны не только своим адресатом, к которому Евгения по-семейному обращалась «Милый до-



Письмо Е.М. Ольденбургской – великому князю Александру Александровичу.
ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 851. Л. 46

рогой мой Саша», но и своим художественным исполнением, содержат вензель Е.М., рисунки[30].

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, Москва) наибольшую ценность для нас представляет письмо графини А.А. Толстой к Ф.М. Достоевскому от 26 марта 1880 г. со следующими словами: «Высокая покровительница Петербургского Дома Милосердия…Евгения Максимилиановна принцесса Ольденбургская поручила мне выразить Вам искреннюю Ее признательность за участие в литературно-музыкальном вечере…в пользу отделения несовершеннолетних Дома»[31].

Также следует выделить черновые письма к Е.М. Ольденбургской графа А.В. Орлова-Давыдова 1898–1905 гг. с просьбами принять на нужды Красного Креста 25000 руб., а также 5000 руб. в пользу семей воинов, погибших в Порт-Артуре 1905 г.[32].

Большая коллекция фотографий принцессы Е.М. Ольденбургской с 1860-х гг. сохранилась в Российском государственном архиве кинофотодокументов в Красногорске. Здесь же уцелела и

одна документальная хроника – смотр войск IV армейского корпуса принцем П.А. Ольденбургским.

Не удалось выявить материалы по истории рода Ольденбургских в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук, Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук, Российском государственном архиве фонодокументов.

Закончу обзор материалов стихотворной телеграммой, написанной рукой известного поэта Алексея Апухтина в адрес принцессы Е.М. Ольденбургской 8 октября 1887 г., полученной в Рамони и содержащейся в архивном сборнике английской, французской и русской поэзии 1882–1890 гг.:

«Вдали от Вас, но сердцем с Вами,
Бегу я скудными стихами
По телеграфу в пышный дом.
Пусть, Вас, Принцесса, счастье встретит,
Пусть новый дом, как старый, светит
Гостеприимством и добром»[33].

---

1 РГИА. Ф. 552. Контора двора великой княгини Ольги Александровны. Оп. 1. Д. 529.
2 Там же. Ф. 844. Волконские. Оп. 2. Д. 381.
3 Там же. Ф. 892. Балашевы. Оп. 3. Д. 484. Л. 11–12.
4 Там же. Ф. 468. Кабинет Его Императорского Величества. Оп. 46. Д. 139. Л. 1 и об.
5 Там же. Ф. 1106. Ольденбургские. Оп. 1. Д. 1.
6 ОР РНБ. Ф. 543. Ольденбургские П.Г., А.П. Оп. 1. Д. 107; Д. 108. Л. 3, 7, 39 и др.
7 Там же. Д. 109. Л. 2.
8 Там же. Д. 110. – 33 л.
9 Там же. Д. 111. Л. 15 об.
10 Там же. Д. 116. – 41 л.

11 Там же. Д. 117.
12 Там же. Д. 118.
13 Там же. Д. 119.
14 ЦГИА СПБ. Ф. 139. Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа. Оп. 1. Д. 8317. Л. 1.
15 Там же. Ф. 202. Петроградский попечительный комитет о сестрах милосердия Красного Креста. Оп. 2. Д. 20. Л. 4 и об.
16 Там же. Д. 529.
17 Там же. Ф. 513. Петроградская городская управа. Оп. 13. Д. 214. Л. 1.
18 Там же. Ф. 792. Петроградская городская дума. Оп. 1. Д. 5676.
19 Там же. Ф. 467. Женское училище (институт) принцессы Терезии Ольденбургской (г. Петроград). Оп. 1. Д. 44.
20 Там же. Ф. 535. Императорское женское патриотическое общество (г. Петроград). Оп. 1. Д. 57. Л. 19–21 об.
21 РГА ВМФ. Ф. Р-363. Главный военный порт Черноморского флота. Оп. 1. Д. 87.
22 Там же. Ф. Р-2239. Коллекция фотографий, открыток и негативов кораблей и судов. Оп. 1. Д. 3450, 9147, 9189.
23 ГАРФ. Ф. 564. Кони А.Ф. Оп. 1. Д. 2774.
24 Там же. Ф. 643. Ольга Александровна. Оп. 1. Д. 78.
25 Там же. Ф. 642. Мария Федоровна. Оп. 1. Д. 3440.
26 Там же. Ф. 652. Владимир Александрович. Оп. 1. Д. 630.
27 Там же. Ф. 653. Петр Николаевич. Оп. 2. Д. 181, 210.
28 Там же. Ф. 677. Александр III. Оп. 1. Д. 851.
29 Там же. Ф. 728. Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца. Оп. 1. Д. 3025.
30 Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 851. Л. 40, 46, 48–49, 56.
31 ОР РГБ. Ф. 93/II. Достоевские. Картон 9. Д. 49. Л. 1.
32 Там же. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. Картон 23. Д. 25.
33 ОР РНБ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 120. Л. 21.

Акиньшин А.Н.

Изучение дворцового комплекса Ольденбургских во второй половине XX в.*

В дореволюционной и современной краеведческой воронежской литературе редко упоминается дворец принцессы Ольденбургской. По всей видимости, это связано с тем, что принадлежал он лицам императорской семьи, его строительство не было связано с событиями внутренней губернской жизни. Для современной краеведческой литературы причина лежит в отсутствии или труднодоступности архивных документов.

Все же в двух книгах есть сведения о дворце в Рамони. Первая из них – это путеводитель по Юго-Восточной железной дороге[1]. В нем очень кратко рассказывается о строительстве дворца без каких-либо точных дат, и называется имя первой владелицы – принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. Определенное внимание дворцу уделяется в книге краеведа Н.В. Ильинского по истории Рамонского района[2]. Здесь сведения более

* Историческая справка написана мною в 1983 г. во время работы в Воронежской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Никакие дополнения не вносились. Изменения коснулись лишь названия федеральных архивов и Отделов рукописей библиотек. Май 2015 г.

подробные, хотя иногда и не совсем точные.

Используя эти два печатных источника и в значительной степени архивные документы, попытаемся воссоздать историю дворца.

Имение в селе Рамонь (другое название Заболотное) принадлежало в конце XVIII в. капитану И.И. Тулинову (1754 – после 1827). Иван Иванович Тулинов происходил из рода известных воронежских фабрикантов, владельцев суконных мануфактур. В Воронеже ему принадлежали две суконные фабрики – на Придаче и в Тулиновском переулке, и двухэтажный жилой дом (ныне в значительно перестроенном и измененном виде – областная акушерско-гинекологическая больница, ул. Вайцеховского, 2/4). Имение это числится за ним не родовым, а благоприобретенным, по всей видимости, Тулинов купил его в 1780–1790-е гг. В конце XVIII – начале XIX вв. ему принадлежало в Рамони около 300 душ крестьян и 1000 десятин земли. После смерти И.И. Тулинова имение перешло к его детям Алексею, Дмитрию и Николаю[3]. В начале 1840-х гг. Рамонь перешла к младшему сыну, действительному статскому советнику и камергеру Николаю Ивановичу Тулинову (1810 –1852).

В это время здесь существовал «старый помещичий дом, построенный в русском стиле, с ажурной резьбой по дереву»[4]. Стоял он над сохранившимся каменным подвалом, справа от дворца. В 1840 г. в имении был основан сахарный завод (четвертый по времени в Воронежской губернии), несколько позднее – завод по выпуску стеариновых свечей.

В 1852 г. Н.И. Тулинов умер, завещав все свои имения сестре А.И. Шеле и племяннику Ф.Н. Вигелю. Отставной поручик Филипп Николаевич Вигель (1805–1877) получил жилой дом в Воронеже и суконную фабрику на Придаче. Дом этот позднее перешел губернскому земству, улица, где он находился, получила

название Вигелевской (ныне ул. Вайцеховского). Анне Ивановне (1792 – около 1870), вдове действительного статского советника П.Р. Шеле, по раздельному акту достались «село Рамонь с крестьянами, коих 283 души м.п., с землею и лесом, свеклосахарным и стеариновым заводами, с домом и посудой; дом в Москве, в Воронеже дворовое место со строением близ Конского бега»[5]. Раздел имения Н.И. Тулинова состоялся в 1856 г. При разделе в Рамони уже упоминается каменный дом со службами и плодовитым садом[6].

Постепенно Рамонское имение пришло в упадок, «завод и все хозяйство были в запущенном состоянии». В 1863–1864 гг. А.И. Шеле продала имение подполковнику Лепарскому и генерал-лейтенанту Н.С. Огранович за 60 тыс. руб.[7]. У них имение давало ежегодный доход в размере 40 тыс. руб. За десять лет владения Рамонью они приобрели дом в Воронеже и выстроили в имении «дом на выгоне за 6 тыс. рублей» (т.е. где-то на окраине имения).

В 1870-е гг. часть земель в Рамони принадлежала семье Веневитиновых (основная их усадьба была в с. Новоживотинном). В переписке М.А. Веневитинова этого времени часто упоминается Рамонское имение. В середине 1870-х гг. он предполагал приобрести все имение для себя или для зятя В.В. Коссиковского. Сделать это помешал недостаток средств. Весной 1876 г. Лепарский и Н.С. Огранович продали 3300 десятин земли с заводом и усадьбой за 270 тыс. руб.[8]. Покупательницей была некая Вельяминова, родственница Вяземских. Биографический сведений о ней пока разыскать не удалось. Владела она имением недолго, в 1879 г. император Александр II купил Рамонское имение и подарил его своей племяннице Евгении Максимилиановне Ольденбургской. В память об этом на территории имения был установлен гранитный знак. Фотография его сохранилась в альбоме с видами Рамони, текст приводится в книге Н.В. Ильинского[9].

Вид на дворец с башни парадных ворот. Фото начала XX в.

Дальнейшая история Рамонского имения связана с именами принцев Ольденбургских. Александр Петрович (1844–1932) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета, правнук императора Павла I. С именем А.П. Ольденбургского связано основание Гагринской климатической станции, деятельность научного медицинского общества, созданного им. Евгения Максимилиановна (1845–1925) – внучка императора Николая I, вице-председатель Общества поощрения художников, активно занималась благотворительностью[10]. Их сын, Петр Александрович (1868–1924) в 1901 г. женился на сестре императора Николая

II великой княжне Ольге Александровне (1882–1960).

Новые владельцы имения почти сразу же начали строительство дворца. Точную дату закладки здания определить трудно, но по всей видимости, это произошло не в 1883 г., как указывает Н.В. Ильинский, а в 1880 г. В пользу этого говорят следующие факты: 1880 г. датирован чертеж Рамонской лечебницы (одноэтажное деревянное здание с ризалитами по главному фасаду)[11]. Вряд ли больница была спроектирована и построена раньше дворца. Газета «Воронежские губернские ведомости» в сентябре 1881 г. сообщала, что ввиду огромного наплыва рабочих в имении, принц Ольденбургский учредил в Рамони столовую[12]. Наплыв рабочих в имении, скорее всего, был связан со строительством дворца. Таким образом, наиболее вероятной является следующая дата строительства дворца – 1880–1884 гг. (отделка интерьеров могла закончиться и в более позднее время).

Архитектор, по проекту которого был построен дворец, пока не известен. В краеведческой литературе не было высказано никакого предположения об авторстве. Псевдоготический стиль, в котором был построен дворец, характерен для русской архитектуры 1830–1850-х гг., затем 1880–1890-х гг. В этом стиле работало немало крупных зодчих, в их числе Николай Леонтьевич Бенуа (1813–1898), Александр Павлович Брюллов (1798–1877), Михаил Дормидонтович Быковский (1801–1885), Александр Александрович Менелас и другие. В литературе, посвященной развитию русской архитектуры этого периода, никаких упоминаний о строительстве дворца Ольденбургских нет.

В переписке Е.М. Ольденбургской нередко упоминаются имена крупных зодчих И.С. Китнера, П.Ю. Сюзора, но проследить их связь с Рамонью не представляется возможным[13]. Письма относятся по сравнению со строительством дворца к более позднему времени и речь, видимо, идет о строительстве зданий для

общества поощрения художников. Сохранившиеся в фонде Ольденбургских чертежи дворца, подписанные «академик Гоген», к Рамони не имеют отношения. Это трехэтажное здание совершенно другой конфигурации в плане, чем Рамонский дворец. Чертежи эти выполнены архитектором Александром Ивановичем фон-Гогеном (1856–1914) после 1896 г. (Гоген стал академиком в этом году). Скорее всего, это имение принцев Ольденбургских в с. Домовичи Новгородской губернии[14]. Творческая деятельность А.И. Гогена началась в начале 1880-х гг., т.е. в то время, когда Рамонский дворец уже строился, поэтому предполагать авторство его нет оснований.

По своему стилю дворец наиболее близок к творчеству крупного русского архитектора второй половины XIX в. Н.Л. Бенуа. Он был связан с Ольденбургскими, строил их дачу в Петергофе. Но отсутствие каких-либо материалов в его архивном фонде не дает возможности предположить авторство Н.Л. Бенуа в постройке Рамонского дворца[15]. Отдельные элементы в оформлении дворца имеют аналоги в творчестве известного архитектора Федора Осиповича Шехтеля (1856–1929). Но его творческая деятельность так же началась в середине 1880-х гг., а здания, построенные им в псевдоготике, относятся к 1890-м гг.[16].

Как сообщил краевед Н.В. Ильинский, местные жители, старожилы на его вопросы о строительстве дворца называли имя Христофора Нейслера (Нетцлера). В картотеке архитекторов народов СССР, которая ведется в Центральном научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры (г. Москва), имени Х. Нейслера нет. Логично предположение, что он был подрядчиком на строительстве дворца, а не архитектором, Нет в этой картотеке и других фамилий, упоминающихся в письмах – Конради, Клессенса, Клеунеца, следовательно, нет оснований отнести их к архитекторам.

Конкретная история строительства дворца остается практически неизвестной. Документы из хозяйственного архива Ольденбургских этого времени отыскать не удалось. В фактах, которые приводит в своей книге Н.В. Ильинский, мало конкретного и нет опоры на документы. Наиболее достоверный факт в его изложении – описание оформления потолка в библиотеке (он же приведен в путеводителе Родзевича)[17]. Одновременно с дворцом проектируются служебные и хозяйственные постройки (строиться они могли и чуть позже, но проектировались в комплексе). В ансамбль органично вписался уже существовавший нижний парк, на краю которого находился сахарный завод. По красной линии ныне существующей улицы были построены в 1880–1890-е гг. свитские дома. Не исключено, что одноэтажный кирпичный дом слева от въездных ворот сохранялся от предыдущей усадьбы. Дом сейчас не сохранился, на его месте после войны построен новый двухэтажный дом, поэтому проверить это предположение по кирпичу и системе кладки невозможно.

В 1880-е гг. построены были въездные ворота с башней, на которой установлены часы. Свитские дома и ворота соединил кирпичный забор. Общность архитектурного стиля, единый размер кирпича дворца и въездных ворот подтверждают одновременность их строительства. Мнение Н.В. Ильинского о том, что ворота с башней остались от предшествующей усадьбы, и, следовательно, построены раньше дворца, ни на чем не основано и является ошибочным. Одноэтажный флигель радом с дворцам мог сохраниться и от усадьбы Тулинова-Шеле. Его декоративное оформление выполнено штукатуркой под стиль дворца. Точно установить «возраст» флигеля можно лишь с помощью зондажа. В общий комплекс построек входят конюшни (ныне клуб сахарного завода) и водонапорная башня. При их строительстве использованы те же приемы, которые характерны для дворца – краснокирпич-

ные фасады, выделение белым цветом архитектурных деталей, венчающие башню щипцы. Все эти постройки органично вошли в комплекс, архитектурной доминантой которого был дворец. Перед дворцом верхнего парка не было (он возник лишь в предвоенные годы) и при въезде в Рамонь открывался живописный вид на дворец (вид этот запечатлен на фотографиях 1910-х гг.)[18]. Верхний же парк развивался на юг от дворца по бровке склонов парка и переходил в естественный лес. Остатки парка и леса угадываются и сейчас.

Отсутствие хозяйственного архива Ольденбургских 1880–1890-х гг. не позволяет с полной достоверностью воссоздать дворцовые интерьеры. Опираясь на несколько фотографий 1901 и 1910-х гг., можно лишь сделать вывод о стилевом единстве внешнего и внутреннего убранства дворца. Отделка парадных комнат первого этажа панелями из мореного дуба, такое же оформление потолка в зале и библиотеке придавали ему строгость, нисколько не противоречили его внешнему виду. Уже в послевоенное время все эти панели испорчены невысыхающим лаком на олифе. В большом зале первого этажа в простенках между панелями находились гобелены, их было, по меньшей мере, 5, они видны на фотографии 1901 г. Возможно, здесь же, а не в Ольгино, было полотно Рериха, которое ныне находится в музее изобразительных искусств. Сейчас же в этих простенках сохранились остатки тисненых обоев, которые уже в дореволюционные года заменили гобелены. По этим остаткам обои можно восстановить. На первом этаже были три голландских печи и три камина, облицованных белым кафелем и темно-вишневыми рельефными изразцами. Один из каминов утрачен, при его восстановлении следует взять за аналогию хорошо сохранившийся камин в комнате справа от входа.

Полы во всех парадных комнатах первого и второго этажа

Вид сверху на Дворцовый комплекс Ольденбургских

были паркетными. Рисунок его, хотя и не очень четко, виден на двух фотографиях 1901 г. Определенно можно лишь утверждать, что настелен паркет не в «елочку», а квадратами.

Помещения второго этажа были жилыми, не парадными. Достаточных оснований восстановить их в том виде, в каком они были, у нас нет. Можно лишь предположить, что стены были обшиты материей (шелком или кретоном)[19]. Сейчас их можно восстановить только оштукатуренными.

Внешний вид дворца почти не изменился. Следует лишь восстановить металлическую лестницу, которая вела в первый этаж башни, тем более, что остатки ее сохранились и сложены в подвале. Лестницу эту хорошо видно на одной из фотографий 1901 г. На дворовом фасаде в реставрации нуждается лишь кров-

ля по металлической арматуре террасы, у спуска к реке. Кровля, по всей видимости, была металлической.

По сохранившимся фотографиям можно будет восстановить фонтан перед главным фасадом дворца. Его облик достаточно прост, сохранившиеся элементы и фотографии дают полную картину для его реставрации.

На протяжении 1880–1890 гг. А.П. и Е.М. Ольденбургские почти ежегодно бывали в своем имении. Кроме них, здесь гостили и другие члены императорской семьи: в 1889 г. великий князь Петр Николаевич, великий князь Михаил Александрович.

В июле 1901 г. состоялось бракосочетание принца Петра Александровича Ольденбургского и великой княжны Ольги Александровны (1882–1960), сестры царя Николая II[20]. В августе этого же года они приехали в Рамонь, в это время была сделана серия фотографий дворца, его интерьеров и окрестностей[21].

Рамонский дворец остался во владении старших Ольденбургских, а П.А. и О.А. Ольденбургские приобрели недалеко от села хутор помещицы Чарыковой, он получил название «Ольгино». Старый помещичий дом был перестроен, как пишет Н.В. Ильинский[22]. Судя по архивным делам фонда конторы двора принцев Ольденбургских, первоначально работы в имении вел петербургский архитектор Генрих Викторович Войневич (1856 – после 1908). Строительство же нового кирпичного двухэтажного дома и свитских номеров было выполнено по проекту архитектора Степана Самойловича Кричинского (1873–1923)[23]. Стиль работы и возраст не позволяют предположить авторства Войневича и Кричинского в постройке Рамонского дворца. Но вполне возможно, что при их участии и художника Н.Н. Рубцова, который работал в Ольгино, могли производиться перестройки дворцового интерьера. Г.В. Войневич перестраивал, а Н.Н. Рубцов оформлял интерьеры в начале XX в. столичного дворца Ольденбургских (Пе-

тербург, Сергиевская, 46). Фотографии этих интерьеров и других, непосредственно относящиеся к Рамони 1910–1912 гг., можно использовать при проектных работах[24].

В большом комплексе документов принца П.А. Ольденбургского за 1901–1918 гг. почти нет материалов по Рамонскому дворцу, принадлежавшему его родителям. Эти документы в основном относятся к имению «Ольгино», «Животинное», которое было приобретено Ольгой Александровной в 1902 г. у наследников сенатора Николая Ивановича Стояновского (1820–1900). В делах имеются лишь отдельные документы, относящиеся к Рамони. Из них можно установить, что между имениями поддерживались тесные контакты. Денежные операции по оплате расходов на постройки в «Ольгино» производились через «управляющего Рамонским имением, фабриками и заводами Ее Императорского Высочества принцессы Е.М. Ольденбургской». Последний документ на таком бланке из Рамони датируется ноябрем 1906 г. В марте 1908 г. упоминается, что Рамонское имение уже принадлежит удельному ведомству . Видимо, имение перешло в ведение Министерства императорских уделов за долги Ольденбургских, или продано ими. Они лишились права получать доходы от имения и завода, но могли приезжать летом отдыхать во дворец.

После Великой Октябрьской социалистической революции дворец был национализирован. В годы гражданской войны значительная часть имущества была расхищена местными жителями. Часть предметов искусства и мебели перешли к Воронежскому губернскому музею (ныне краеведческий), а в 1934 г. они были переданы в собрание вновь созданного музея изобразительных искусств. В 1920–1930-е гг. во дворце размещались различные административные и хозяйственные учреждения, точных сведений о которых в нашем распоряжении нет.

В 1944–1948 гг. во дворце располагался Воронежский химико-

технологический институт пищевой промышленности. Его сменило заводоуправление сахарного завода. В конце 1960 – начале 1970-х гг. дворец был занят различными культурно-просветительными учреждениями, в их числе – библиотека, народная киностудия, районный народный музей. В 1978–1979 гг. дворец был освобожден от всех учреждений и там начались реставрационные работы.

---

1 Родзевич А.И. Спутник пассажира по Юго-Восточным железным дорогам. Вып. 1. Козлово-Воронежско-Ростовская линия. М., 1899. С. 58–61.
2 Ильинский Н.В. Рамонь (Из истории района). Воронеж, 1968. С. 18, 26–32.
3 Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 29. Оп. 140. Д. 104. Л. 6, 20.
4 ГАВО. Ф. 167. Оп. 2. Д. 8021. Л. 14; Ильинский Н.В. Указ. соч. С. 18.
5 ГАВО. Ф. 167. Оп. 2. Д. 7043. Л. 3, 30 об.
6 Там же. Д. 8021. Л. 29.
7 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 48. Папка 30. № 1. Л. 189–190.
8 Там же. Папка 17. № 19. Л. 2.
9 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 87. Д. 1649. Л. 27; Ильинский Н.В. Указ. соч. С. 27.
10 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 21. СПб., 1897. С. 914–915.
11 РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 81. Л. 62.
12 Воронежские губернские ведомости. 1881. 19 сент., № 71.
13 РГИА. Ф. 892. Д. 484, 895.
14 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1020. Оп. 1. Д. 3.
15 Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910 годов. М., 1982. С. 102–105. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 43 (Бенуа Н.Л.).
16 Кириченко Е.И. Федор Шехтель. М., 1973.
17 Ильинский Н.В. Указ. соч. С. 33; Родзевич А.И. Указ. соч. С. 59–60.

18 РГИА. Ф. 515. Оп. 87. Д. 1649. Л. 1, 4, 5.
19 В письме от 21 мая 1902 г. П.А. Ольденбургский упоминает, что живет в «красной комнате» (ГАРФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 30. Л. 23).
20 Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 970. Оп. 3. Д. 639.
21 ГАРФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 191. Альбом фотографий, 116 фото. Они используются при написании исторической справки и в проектных работах.
22 Ильинский Н.В. Указ. соч. С. 41.
23 С.С. Кричинский – крупный архитектор стиля «модерн», принимал участие в строительстве соборной мечети в Петербурге. О его участии в постройке «Ольгино» см.: РГИА. Ф. 552. Оп. 2. Д. 20. Л. 34 об., 130 и др.; журнал «Зодчий», 1905, № 28, 10 июля. С. 327.
24 ГАРФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 192, 28 фото; РГИА. Ф. 515. Оп. 87. Д. 1649, 50 фото.

Попов П.А.

Опыт историко-архитектурного исследования парадных ворот усадьбы Ольденбургских

Знаменитые парадные ворота с двумя башнями, стоящие перед дворцом Ольденбургских, являют собой парадную часть главного рамонского архитектурного ансамбля. Они не только открывают вход на площадку дворца. Они – главное связующее композиционное звено всего дворцового комплекса.

Башенные ворота воспроизводятся на обложках многих книг, альбомов, буклетов. Они же служат главным символом на современном гербе Рамонского района. Они же выбраны в качестве эмблемы, официального логотипа сегодняшнего Историко-культурного центра «Дворцовый комплекс Ольденбургских».

Обе башни – восьмигранные. Правая (если стоять при входе) башня – менее широкая и менее высокая, одноярусная. Левая, главная башня – двухъярусная. Хорошо заметно, как основной восьмигранник утолщается книзу. В обеих башнях проделаны проемы со стрельчатыми завершениями. Над высокими окнами первого яруса главной башни – круглые циферблаты часов. Во втором ярусе висели часовые колокола, и проемы были открытыми.

Башни соединены кирпичной перемычкой, опирающейся на

пилоны. Перемычка завершена ступенчатым аттиком. На обеих плоскостях аттика – выложенные из кирпича картуши. Под перемычкой – въездная арка ворот, имеющая плавное килевидное завершение в духе неоготики. Сами ворота представляют собой отдельное произведение искусства: это металлические панели с оригинальными фигурными решетками и декоративными накладками.

Башенные ворота Тулиновых и Ольденбургских. Вид ворот со стороны дворца.

В охранных документах дата строительства ворот с башнями обозначена 1880-ми гг., что, как вскрылось, совершенно не соответствует истине. Мы выяснили это в ходе историко-архивных и натурных исследований старейшей части усадьбы, предпринятых нами в 2013 г.

В краеведческой литературе часто утверждалось, будто усадьба воронежских дворян Тулиновых – главных предшественников Ольденбургских – не сохранилась; будто деревянные господский дом и дом управляющего давно снесены. Такие представления удалось полностью опровергнуть после изучения документов Государственного архива Воронежской области (ГАВО).

Иван Иванович Тулинов (ок. 1754 – 1830-е гг.) – крупнейший воронежский предприниматель, чье суконное производство к на-

чалу XIX в. стало самым обширным. В 1796 г. он первым добился перехода из купечества во дворянство для всей своей семьи. Имел роскошный особняк в городе (ныне ул. Вайцеховского, дом № 2/4)[1]. И.И. Тулинов, выйдя в отставку капитаном в 1792 г., жил с семьей и в воронежском доме, и в загородной рамонской усадьбе, приобретенной в конце XVIII в., не позднее 1796 г.[2]. Он купил эту усадьбу, которая, как считалась, находилась в «деревне Заболотной, Рамонь тож», у семьи Кольцовых-Мосальских, представителей известного российского княжеского рода[3].

Далее Тулиновы несколько десятилетий формировали поместный быт деревни Заболотной и превратили ее в самую выдающуюся часть села Рамони. К 1829 г. в усадьбе И.И. Тулинова имелись «господский дом деревянный с пристроем трех каменных корпусов, ранжереею, конюшня и каретный сарай, магазин и ледник деревянный, крестьянских дворов 29»[4].

После него усадьбой распоряжались трое его холостых сыновей: Алексей, Дмитрий и Николай. Главенствовал Николай Иванович (1810–1854) – губернский предводитель дворянства и покровитель городского театра. Н.И. Тулинов продолжал развивать усадебное хозяйство в Рамони. В 1840 г. он запустил под горой свеклосахарный завод.

Н.И. Тулинов обставил огромной роскошью городской фамильный дом в Воронеже. Внешне особняк был частично переделан в середине XIX в. в духе неоготики, ибо владелец был большим поклонником неоготического архитектурного стиля. Такой стиль вошел в моду в среде высшей российской знати в 1830–1840-е гг. – в противовес приевшемуся классицизму и в подражание средневековым западноевропейским замкам. Н.И. Тулинов, стремясь подчеркнуть свое лидерство в местном обществе, внес броские элементы неоготики в оформление своего особняка. «Обычные» завершения окон были переделаны в стрельчатые

(готические) перемычки, а тыльный фасад увенчался аттиком с зубцами в подражание знаменитым графским и княжеским дворцам. Архитектурные аналоги – дворцы дворян Голынских в городе Кричеве (Белоруссия); князей Дадиани в городе Зугдиди (Грузия); графа Воронцова в Алупке[5]. Как мы увидим далее, в ряд неоготических аналогов теперь можно поставить и усадебные ворота Н.И. Тулинова в Рамони.

«Камергер Двора Его Императорского Величества», действительный статский советник Н.И. Тулинов умер 4 октября 1854 г.[6]. Именно в том году пришлось составлять подробнейшую опись его имущества, по счастью, обнаруженную нами в архиве в 2013 г. Она дает исчерпывающую информацию о составе рамонской усадьбы[7].

Сопоставление результатов натурного обследования усадебных строений с архивными документами показало, что до настоящего времени в составе дворцового ансамбля Ольденбургских сохранился комплекс более старых зданий Кольцовых-Мосальских и Тулиновых второй половины XVIII – середины XIX в. Они не деревянные, а кирпичные. Во-первых, это два одноэтажных здания по адресу: ул. Мосина, 19 (по другим данным, 19а), состыкованные в одно Г-образное строение. Южный корпус, прилегающий ко дворцу (и обращенный главным фасадом в сторону дворца) – господский дом Тулиновых, построенный между 1829 и 1854 гг. При его сооружении были использованы две более старые стены одной из служб Кольцовых-Мосальских второй половины XVIII в. Слева к основной части дома примыкает постройка конца XVIII – начала XIX в., размещенная с небольшим отступом вглубь: в 1850-х гг. здесь была столовая. К северу от дома вдоль бровки холма вытянут хозяйственный корпус, обращенный главным восточным фасадом в сторону нижнего ландшафтного парка. В 1854 г. – кладовые помещения. В свою очередь, этот кладовый

корпус имеет наиболее старую часть, относящуюся ко второй половине XVIII в., ко времени Кольцовых-Мосальских, и пристройку Тулиновых середины XIX в.

Во-вторых, двухэтажное здание на улице Мосина, 15 (по другой технической документации № 15а) представляет собой корпус, построенный И.И. Тулиновым на рубеже XVIII и XIX вв. Вероятно, он был задуман как главный господский дом. Но, судя по документам, в середине XIX в. братья Тулиновы использовали его как жилой дом главной прислуги. Есть все основания полагать, что именно здесь родился С.И. Мосин (1849–1902) – всемирно известный конструктор трехлинейной винтовки, сын управляющего имением Тулиновых.

Наконец, к усадебному комплексу Тулиновых следует причислить парадные ворота, ландшафтный парк с первоначальным объемом каменного грота, дорогу с кирпичными откосами, ведущую к сахарному заводу.

Еще несколько десятилетий назад рамонский краевед Н.В. Ильинский верно писал, что ворота остались от более ранних владельцев, от Тулиновых. Но он не привел доказательств[8]. И со временем появилось недоверие к его утверждению.

На протяжении многих лет и столичные, и воронежские реставраторы делали заключения о том, что и ворота, и дворец якобы построены в одно и то же время, во второй половине 1880-х гг., и в одном стиле. Но, подчеркиваем: каждый раз такие заключения появлялись без выполнения двух существенных видов предреставрационных работ. Первые работы: архивные изыскания касательно ворот. Их, по существу, не было, так как всегда требовалось искать документы, связанные только с дворцом и с Ольденбургскими, но не с Тулиновыми. Часто использовались материалы историка А.Н. Акиньшина, обстоятельно изучавшего историю дворца еще в 1980-е гг., а иных целей не ставилось.

Вторые работы: полноценное натурное исследование памятника, вернее, ворот как части всего комплекса. Полноценное – подразумевает не поверхностное, а подробное исследование параметров кирпичной кладки и сравнение их с аналогами (и конкретными рамонскими, и вообще фигурирующими в специальной реставрационной литературе).

А ведь столичные искусствоведы в свое время могли бы подсказать нужное направление поиска рамонским и воронежским краеведам. Тогда находки состоялись бы раньше. Тогда не были бы так неожиданны сенсации.

В описи 1854 г. выделены «две башни и ворота каменные», как подчеркнуто в документе, «устроенные по рисунку», то есть по специальному проекту [9].

Но одной лишь архивной записи мало для доказательства. Это только первое обстоятельство.

Идентичность башенных ворот 1854 г. и современных подтверждается исследованием кирпичной кладки. Она подобна кладке основного объема одноэтажного господского дома, выполненной между 1829 и 1854 гг. Подобны и кирпичи 24,5–26,5 х 12,5–13,2 х 5,5–6,5 см, и известковые швы, и способ перевязки кирпичей: верстовой. Только кладка в доме отличается меньшей аккуратностью и тем, что в ней соседствуют участки с верстовой, тычковой и цепной перевязками: признак перестроечных работ, состоявшихся в первой половине XIX века. В башнях швы немного заглублены. Об их первоначальной обработке судить трудно, так как все они подверглись вторичной неравномерной обработке во время реставрационных работ в конце XX в. Очевидно, что столичные специалисты стремились укрепить кладку, сохранив общее ее восприятие, но не ставили цели восстановить первоначальную однообразную обработку швов. Ведь они не знали, что ворота сложены намного раньше дворца, и ориентировались на

подобие дворцу. Между тем, в середине XIX в. достаточно толстые швы, рассчитанные не на традиционное оштукатуривание или беление стен, а на восприятие красного кирпича, были редкостью для провинции.

Также прекрасно видно, что стены поздних сооружений Ольденбургских – дворца и свитского корпуса – резко отличаются от башенных как по способу кладки (не верстовая, а тычковая, с выраженной обработкой швов в пустошовку или валиком), так и по более ровной выделке кирпичей (с помощью примитивных прессов), благодаря чему швы тоньше. И размеры кирпичей другие (например, в первом этаже дворца преобладает длина 26,5–27 см), и раствор другой. Здесь во всем видны технические новшества конца XIX в.

Следующее обстоятельство: у башенных ворот есть архитектурные стилевые аналоги в Воронеже. И не только сохранившийся дом на улице Вайцеховского, названный ранее.

Среди утраченных сооружений Воронежа удается отыскать непосредственный аналог рамонских башен: это подпорная стена на улице Попово-Рыночной (ныне Степана Разина), украшенная башенками и зубцами на манер крепостных. По сведениям краеведа XIX в. Г.М. Веселовского, оформлением стены занимался архитектор-новатор С.И. Соколов. Он создал, как говорили современники, «Соколиное гнездо»: выстроил в своей усадьбе, находившейся над стеной, дом оригинальной архитектуры и придал такой же необычный вид стене[10]. Из документов выясняется, что дом Соколова был сооружен в 1846 г.[11]. По фотографиям XIX–XX вв. видно, что завершения башенок над подпорной стеной были совершенно аналогичны завершениям рамонских башен: в обоих случаях – относительно широкие аттиковые пояса с маленькими квадратными проемами, а выше – зубцы. (Рамонский дворец завершен по-иному.) Вывод: автором проекта парадных ворот в Ра-

мони мог быть С.И. Соколов.

Наконец, башенные ворота фигурируют в записках воронежского ботаника Н.С. Тарачкова, опубликованных им в 1861 г.: «...Потом показалась и усадьба Рамонь, обнесенная красивой, с башнями в готическом вкусе, кирпичной оградой, подле которой, впрочем, красовались безобразные, небрежно крытые соломой, с покривившимися стенами, крестьянские». Как верно указал Н.С. Тарачков, в это время усадьба принадлежала госпоже А.И. Шеле, сестре-наследнице Н.И. Тулинова[12].

Наличие главных ворот до строительства дворца косвенно подтверждается и находкой современного краеведа А.В. Жильцова: фотоснимком 1879 или 1880 г., где на фоне ворот изображен отец принца А.П. Ольденбургского – П.Г. Ольденбургский, умерший весной 1881 г. А.В. Жильцову принадлежат и первые наблюдения о том, что кладка воротных башен отличается от кладки дворца Ольденбургских и их свитского корпуса[13]. Теперь такие наблюдения находят полное научное подтверждение.

Важно понять, что парадные ворота были отнюдь не случайным сооружением в усадьбе Тулиновых. Они не выбивались из общего архитектурного фона. Напротив, они стали главным композиционным элементом в новой парадной зоне усадьбы, а также в новой хорошо продуманной парковой архитектуре. Это историческое открытие также уготовано выявленной архивной описью 1854 г. В ней фигурирует «грод дикаго самородного камня с двумя лестницами и двумя арками» и при гроте «грунтовый сарай каменный». Невысокие каменные оградки ограждали палисадник, садово-парковую территорию и оранжереи. Среди оградок выделялись четверо ворот с башенками, меньших по размерам в сравнении с главными воротами: по двое по краям палисадника и оранжерей. Пятые малые ворота, но без башен, вели во фруктовый сад. Четыре оранжереи изобиловали фруктовыми и декора-

тивными растениями[14].

Архивные документы также дали ключ к пониманию общего архитектурно-планировочного замысла усадьбы Тулиновых. Шло создание парадной зоны с центральным палисадником перед главным фасадом одноэтажного господского дома. Перпендикулярный главный вход в парадную зону через готические ворота находился на одной оси с гротом – узловым объектом на бровке холма, откуда брали начало спуски ландшафтного парка. К югу от палисадника, также напротив нового дома, начинался один из садов.

Таким образом, исходя из всех обстоятельств, следует не предположительный, а однозначный вывод: эффектные воротные башни построены в 1840-х или в начале 1850-х гг., то есть они примерно на 40 лет (!) старше дворца. Что же касается собственно металлических фигурчатых ворот, то их, вероятно, переделали Ольденбургские в то время, когда обустраивали дворец. Ведь новый часовой механизм на башне тоже поставила семья принцев. На раме механизма, ныне хранящегося в областном краеведческом музее, есть надпись: он изготовлен на фабрике башенных часов Иоганна Фридриха Бойле в германском городе Боккенеме в 1879 гг.

Так почему же именно Рамонь была выбрана в качестве «царского подарка»? Почему именно она пожалована внучке императора Николая I, племяннице Александра II Евгении Максимилиановне, вышедшей замуж за принца А.П. Ольденбургского?

Во-первых, Рамонь выделялась своим изысканным природным ландшафтом, который был присущ вообще правобережью реки Воронеж на ее нижнем отрезке. Выделялась теми могучими дубовыми лесами (точнее, уже остатками, краем лесов), теми холмами, мысами, оврагами, той великолепной широкой речной поймой, которые еще в VIII–X вв. выбрали для устройства кре-

постей первые славянские поселенцы. Спустя примерно 900 лет после того, как оказались заброшенными раннеславянские городища, те же самые мысы были избраны не в оборонных целях, а в основном в эстетических. Главной целью становилось не выживание, а элитное обитание.

Во-вторых (и это самое существенное): в Рамони выделялась прекрасно обустроенная – дворянами Тулиновыми – прибрежная усадьба. Еще до Ольденбургских Тулиновы создали в Рамони комфортную, хорошо благоустроенную и оригинальную в архитектурном отношении зону отдыха для господ. До Ольденбургских уже сложилась прекрасная, необычная парковая архитектура, причем на крутом усадебном склоне начала развиваться уникальная ландшафтная архитектура. Ольденбургские, развивая идеи Тулиновых и ими нанятых воронежских зодчих, реконструировали усадьбу и ее ландшафтный парк. При Ольденбургских выкладывали новые лестничные ступени и подправляли старый грот, дополнительно обкладывая его камнями той же местной породы и украшая металлическими модерновыми деталями. Но первоначальная идея принадлежала не Ольденбургским и не пришлым архитекторам, а воронежцам.

Конечно, нельзя приуменьшать и вклад Ольденбургских. Они совершили в Рамони новую небольшую промышленную и вообще бытовую революцию. Но в нашей архитектурной теме главное обстоятельство – другое. В 1880-х гг. зодчему, приглашенному Ольденбургскими, – кто бы он ни был – пришлось подстраивать формы дворца под сложившуюся парадную архитектуру, и в первую очередь – главных усадебных ворот.

Именно неоготическая архитектура ворот стала определяющей при проектировании и строительстве дворца, завершенного в 1887 г. Во дворце повторены отдельные декоративные элементы готики. Ворота и дворец объединены также приемами обра-

Башни ворот и дворца смотрятся очень романтично из обновленного парка

ботки стен: побеленные детали декора выделяются на кирпичной неоштукатуренной кладке. Но надо подчеркнуть, что дворец и его башня имеют и явные стилевые отличия: там гораздо меньше готических компонентов, но много типовых эклектичных форм, предвещавших нарождение нового стиля – модерна...

Наконец-то Рамонский дворцовый комплекс переступил порог больших долгожданных перемен с приходом на должность во-

ронежского губернатора А.В. Гордеева. В 2013 г. под патронажем областного правительства и супруги губернатора Т.А. Гордеевой была создана рабочая группа для выработки концепции восстановления комплекса и создания Историко-культурного центра. С 2014 г. Центр успешно работает. Идут восстановительные работы во дворце и свитском корпусе Ольденбургских, подготовлены к реставрации старые тулиновские здания. Хорошо благоустроена территория перед парадным дворцовым фронтом. Главной «визитной карточкой» Рамони по праву остается дворец, который, однако, непредставим без передних тулиновских воротных башен.

В связи с последними находками ценность сохранившихся ворот, без всяких сомнений, значительно повышается. Они не просто связывают в одну пространственную и художественную композицию усадебные постройки. Они связывают воедино старую и новую архитектуру дворцового комплекса. С художественной точки зрения, они более оригинальны, чем дворец, – ведь они порождены не поздними эклектичными или модерновыми веяниями, а ранним отступлением от классицизма.

Мало того что башенные ворота остались единственным в Воронежской области неоготическим сооружением середины XIX в. Они уникальны в сельской усадебной архитектуре Центральной России. Они оказали влияние и на архитектуру Домов Ольденбургских и Романовых.

---

1 См.: Акиньшин А.Н., Ласунский О.Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах: историко-генеалогические очерки. Изд. 2-е. Воронеж, 2009. С. 95–96; Попов П.А. Здравствуй, старый дом! Самые замечательные здания Воронежа. Воронеж, 2014. С. 55–57.

2 ГАВО. Ф. И-29. Оп. 140. Д. 104. Л. 4, 5, 13 об.
3 Там же. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 21207. Л. 14 об.
4 Там же. Л. 14, 14 об.
5 Подробнее об этом см.: Попов П.А. Здравствуй, старый дом... С. 52–54, 64–65.
6 ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 22020. Л. 189.
7 См.: Там же. Д. 22226. Л. 38–54.
8 Ильинский Н.В. Рамонь. Изд. 2-е. Воронеж, 1984. С. 22.
9 ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 22226. Л. 44.
10 Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях. Воронеж, 1866. С. 24.
11 ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 19719.
12 Тарачков Н. Из путевых заметок при ботанических поездках по Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861-й год. СПб., 1861. С. 258.
13 Жильцов А. Листая старые дневники и письма // Голос Рамони. 2009. 5 июня.
14 ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 22226. Л. 44–45 об.

Кригер Л.В.

Особенности усадебного комплекса Ольденбургских «Рамонь» и «Ольгино» и методы градостроительной охраны: зоны охраны – достопримечательное место – историко-культурный заповедник

В последние годы, с развитием темпов жилищного строительства и инвестиционных проектов в регионах, все большее значение принимают вопросы градостроительной охраны объектов культурного наследия. Об этом говорят и изменения в законодательстве об охране памятников 2012 и 2014 гг., когда были уточнены понятия исторических поселений и даны подробные расшифровки по предмету охраны и границам достопримечательного места.

Что же является особенностями комплекса двух усадеб Ольденбургских «Рамонь» и «Ольгино», подлежащими градостроительной охране?

Прежде всего, это связь усадеб с выразительным природным ландшафтом: рельефом, рекой и окружающим лесом. Усадьбы расположены на соседних 50-метровых береговых мысах реки

Вид от дворца усадьбы «Рамонъ» на служебный двор и село. Фото нач. XX века

Воронеж, их разделяет обширный овраг, обеспечивающий визуальную связь между комплексами. Главные акцентные элементы усадьбы поставлены на водоразделах и при бровке плато рельефа. Сопутствующие элементы усадьбы находятся либо в глубине плато, либо на пониженных участках рельефа: на первой надпойменной террасе, на левом берегу реки, на склоновых участках оврага. Все элементы комплекса были связаны озеленением: лесом, парками, аллеями.

Второй важной особенностью, которую, безусловно, надо сохранять, являются визуальные взаимосвязи всех элементов комплекса. В начале XX века от дворца усадьбы Рамонь на дальних панорамах мы бы увидели церковь, усадьбу «Ольгино» (дворец и Свитский корпус) и сахарный завод. А вблизи: ворота, свитские корпуса, «Уютный» и «Монастырь», школу и аллеи. С запада

раньше вдали виднелись опытные поля сахарной свеклы, а с востока, на левом берегу реки, была видна железнодорожная станция и бескрайний лес, в котором затаился зверинец.

От «Ольгино» можно было увидеть возвышающиеся над подковообразной «стеной» служебных построек: дворец, водонапорную башню, церковь и дом «Монастырь», а внизу слева – постройки завода, реку, лес и крутой северный мыс.

От реки были видны завод, дворец усадьбы «Рамонь», «Монастырь», служебные постройки, башня и, на заднем плане, – церковь. Долгие годы с юга от «Ольгино» сохранялись незастроенными покрытые травой мысы оврага. Отсюда можно было любоваться величественным дворцовым комплексом «Рамонь».

Именно эту пространственную взаимосвязь усадеб и ландшафта необходимо постараться сохранить. Какова же ситуация сегодняшнего дня? В 2012 г. были разработаны и утверждены границы территорий объектов культурного наследия – неотъемлемый и обязательный охранный «амулет» каждого памятника. Рамонские усадьбы (как и большинство провинциальных усадеб России, расположенных в структуре населенного пункта) к настоящему времени значительно «растворились» в застройке. Поэтому получилось несколько локальных участков территории усадеб. Так, отдельная территория выделена для дворца, служб, ворот, парковой лестницы и мостика. Отдельные территории установлены для флигеля «Уютный», школы, дома «Монастырь», водонапорной башни и конюшни для выездных лошадей. Достаточно обширные территории определены для сахарного завода и для усадьбы Ольгино с парком.

Местами эти территории памятников смыкаются, но в большинстве своем – между ними имеются значительные нерегламентированные участки, которые раньше относились к усадьбам, а сейчас заняты жилой и общественной застройкой. И именно эти,

Вид на служебный двор усадьбы «Рамонь». Фото нач. XX века

неохваченные регламентом участки, в силу инвестиционной и рекреационной привлекательности Рамони, сейчас начали активно застраиваться.

Так, например, с юга от дворцового комплекса «Рамонь» изначально размещался большой пейзажный парк и сад с несколькими аллеями. Даже сейчас во дворах можно увидеть старовозрастные экзоты. Главная же аллея, которая была высажена еще при Тулиновых, недавно подверглась радикальной санации ради прокладки воздушного кабеля...Бывшее кагатное поле с севера от дворца уже несколько лет является главным объектом различных «инвестпроектов». Хотя это исторически была территория усадьбы, постройки здесь были невысокие, но очень образные. Сейчас южная бровка оврага между усадьбами начала застраиваться: уже выстроен первый многоквартирный дом. Начинается застройка западной бровки плато. Хотя, как видно на архивных фотографиях, и как помнят старожилы – здесь стояли одноэтажные дома с разрывами, через которые были видны и усадьбы и бескрайние дали окружения. Казалось бы не очень высокие дома (всего три этажа), поставленные около дворца на бровке оврага, во всей мощи своего диссонансного влияния воспринимаются от

«Ольгино». Дворец уже «потерялся» между современным многоквартирным домом и особняками. Началась застройка и бровки оврага с юга от усадьбы «Ольгино». Замечательная лужайка – мыс, откуда туристы фотографировали дворец, превращена в стройплощадку.

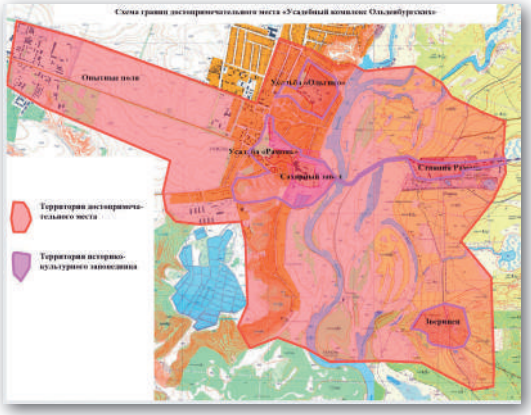


Схема потенциальных границ достопримечательного места «Усадебный комплекс «Ольденбургских»

Единственным выходом из сложившейся ситуации является срочная подготовка и утверждение зон охраны. Разработанные и обоснованные регламенты которых, позволят осуществлять хозяйственную деятельность в исторической части Рамони без ущерба для памятников. Кроме того, зоны, в определенной степени, позволят «собрать» локальные территории отдельных памятников в единую историческую территорию комплекса.

Однако, на наш взгляд, для Рамони более подходит такой вид градостроительной охраны, как установление статуса объекта культурного наследия – достопримечательного места. При этом, граница достопримечательного места может быть как сравнительно небольшая, охватывающая усадьбы «Рамонь» и «Ольгино» в части их дворцово-парковых ансамблей, так обширной, включающей участки исторического землепользования и исторически значимые объекты, относившиеся к периоду владения усадьбами Ольденбургскими, что позволит включить в туристическо-

экскурсионные маршруты (и соответственно в инвестиционные туристические программы) еще десяток населенных пунктов, связанных с Ольденбургскими.

Еще одним позитивным эффектом является потенциальная возможность создания на основании утвержденного достопримечательного места историко-культурного заповедника и музея-заповедника, как юридической организации управления исторической территорией. При этом, историко-культурный заповедник может быть не только регионального, но и муниципального значения.

Мы не затрагиваем вопрос придания Рамони статуса исторического поселения регионального значения, поскольку, на наш взгляд, этот метод градостроительной охраны значительно сузит, по сравнению с достопримечательным местом, границы и потенциальные возможности туристического освоения территории. И главное «размоет» ключевое, можно сказать, «брендовое», значение усадеб в приоритетном историко-культурном значении населенного пункта в целом. Хотя в статусе исторического поселения есть один очень важный законодательный фактор: ответственность за разработку программ развития и их дальнейшую реализацию лежит исключительно на органах местного самоуправления.

Таким образом, усадебный комплекс Ольденбургских с усадьбами «Рамонь» и «Ольгино» является уникальным для Воронежской области. Однако он срочно нуждается в градостроительной охране либо путем установления зон охраны, либо приданием статуса достопримечательного места. При этом, грамотно подготовленная документация для исторических территорий может стать не тормозом в развитии населенного пункта, как это часто звучит в архитектурной среде, а открыть новые перспективы для его развития.

Иванова М.А.

Дом Романовых в произведениях из фондов Воронежского областного художественного музея имени И.Н. Крамского

Династия Романовых запечатлена в художественных произведениях многих знаменитых авторов. В Воронежском областном художественном музее имени И.Н. Крамского хранится небольшое количество работ с изображением членов царской семьи, но каждая из них представляет собой значительную ценность.

Одним из первых, кто способствовал формированию экспозиции, был воронежский губернатор Дмитрий Никитич Бегичев (1830–1836), который возглавлял комитет по сооружению памятника Петру Великому в г. Воронеже и предоставил этот проект на утверждение императору Николаю I. По замыслу в петровском цейхгаузе предполагалось открыть экспозицию, которая отражала бы деяния царя на местных верфях[1]. Д.Н. Бегичев имел обширную административную и личную переписку с президентом Академии художеств Алексеем Николаевичем Олениным.

Военным министерством были переданы 127 оттисков с гравированных досок первой четверти XVIII в., выполненных граве-

Неизв. худ. Портрет царицы Евдокии Фёдоровны Лопухиной. XVIII век

Неизв. худ. Портрет царя Алексея Михайловича. XVIII век

рами А.А. Грековым, Н. Ламмерсеном, А. Ф. Зубовым. Это – портреты Петра I и его соратников, батальные сцены, архитектурные пейзажи Петербурга[2]. Помимо этого, художественное собрание музея пополнилось произведениями живописи, пожертвованными Митрофановским монастырем и Михайловским кадетским корпусом.

В постоянной экспозиции музея находятся портреты «высочайших особ царствующего дома», поступившие из столицы и выполненные неизвестными художниками XVIII–XIX вв.: портреты Евдокии Фёдоровны Лопухиной и царя Алексея Михайловича,

написанные в стиле плоскостного письма раннего портрета (так называемая парсуна). В этих работах образ трактуется условно, с использованием приёмов иконописи, характерной для древнерусского изобразительного искусства.

В дальнейшем появляется парадный портрет, целью которого было прославление высокопоставленных и знатных персон. Отличительной особенностью этих портретов являлось наличие торжественной позы, пышных парадных костюмов, обязательно было присутствие регалий и знаков отличия, символов власти и могущества.

А.П. Антропов. Портрет Павла I. 1765 г.

Коллекцию музея пополняли и поступления из частных собраний: коллекционера П.Г. Беляева, купца-благотворителя К.И. Бухонова, библиофила М.Ф. Мартынова. По духовному завещанию генерал-майора А.А. Марина после его кончины в музей поступил ряд икон и произведений живописи.

Кроме работ неизвестных художников в собрании музея хранятся работы первых русских портретистов. Портреты Петра I и Павла I принадлежат художнику XVIII в. Алексею Петровичу Антропову. Он был сыном «слесарного мастера Оружейного двора». С ранних лет проявлял интерес к живописи. Учился у замечательных художников-портретистов А.М. Матвеева и И.Я. Виш-

А.П. Антропов. Портрет Петра I. 1758 г.

някова. В 1752 г. ему поручили расписать Киевский Андреевский собор, построенный по проекту архитектора Ф. Б. Растрелли. Этой работе художник отдал около трех лет. В 1761 г. А. Антропов получил назначение на должность главного художника Святейшего Синода в Петербурге. В его обязанности входило наблюдение за работами петербургских иконописцев и написание портретов представителей русского духовенства. В его портретах, которые отличаются строгостью и лаконичностью, ещё сильны старые, иконописные традиции. Тщательно выписанные детали в картинах идут от парсуны предшествующего столетия, но по реалистическому восприятию натуры, тонкой наблюдательности, достоверной передаче характеров у художника нет предшественников в русской живописи.

Портрет императрицы Александры Федоровны выполнен Карлом Павловичем Брюлловым, автором известной картины «Последний день Помпеи», которая находится в Русском музее Санкт-Петербурга.

В художественном музее, помимо картин, сохранились великолепные скульптуры, одна из них – это мраморный бюст императора Александра I, выполненный рукой мастера Федота Ивановича Шубина. Произведения Ф. Шубина очень эмоциональны,

П.Д. Шипов. Петр Александрович Ольденбургский.
Акварель. Конец XIX – начало XX в.

пронизаны человеческими чувствами и страстями. Он тонкий, глубокий портретист, ваятель, виртуозно владевший формой. Через образ Александра I мы видим удивительную способность Ф. Шубина проникать в глубины человеческой души и воплощать характер натуры в сложности его противоречивых свойств и качеств. Плотно сжатые губы, спокойный, холодный слегка надменный взор Александра I выражает уверенность в себе и слегка высокомерную отчужденность[3].

Фонд музея обогащен работами Ивана Николаевича Крамского[4]. Это офорт с изображением императрицы Марии Александровны на смертном одре 1880 г., гравюра с изображением наследника цесаревича Александра Александровича. Эти работы ранее находились в собрании самого И.Н. Крамского.

В фондах музея сохранились акварельные работы Павла Дмитриевича Шипова, в частности портрет принца Петра Александровича Ольденбургского. Генерал-лейтенант Павел Дмитриевич был художником-баталистом, активно участвовал в художественной жизни, с 1884 г. был вольнослушателем Академии художеств. Но служебные дела не позволили ему окончить курс. Несмотря на это, он довольно активно экспонировал свои работы на академических выставках. В советское время П.Д. Шипов был забыт и только в наши дни ряд его работ был обнаружен в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Также в собрании музея хранится один из лучших живописных портретов Петра I, выполненный польской художницей Хенрикой Безлер-Чижевской в 1914 г. с работы французского художника Поля Делароша (1838) и приобретенный в Варшавском художественном салоне «Julian Burof». Х. Безлер-Чижевская была живописцем, карикатуристом. Училась в Варшаве, в школе прикладных искусств Алисии Новински, принимала участие в

выставке польских художников конца XIX–XX вв.

После революции коллекция музея пополнялась за счет поступлений из национализированных усадеб и домовладений Воронежской губернии. В 1919 г. из дворца в Рамони, принадлежащего ранее принцессе Евгении Ольденбургской, а также из имения ее невестки «Ольгино» в музей поступили полотна Н.К. Рериха «Утро княжей охоты» и «Вечер княжей охоты». Они были написаны в Париже, где Н. Рерих в 1900–1901 гг. посещал мастерскую Кормона. Это ранние картины Н. Рериха, им свойственна приглушенность цветовых эффектов, палитра художника еще не обрела той светоносной силы, присущей его более поздним работам.

---

1 Русское искусство XVIII-XX веков. Воронеж, 2009.

2 Петровская гравюра: из собрания Воронежского областного художественного музея им. И. Н. Крамского: альбом-каталог / авт.-сост. М. А. Кривцова; под ред. В. Д. Добромирова. Воронеж, 2010.

3 Воронежский областной музей изобразительных искусств: Альбом / Сост. Е.А. Резникова; авт. вступ. ст., коммент. М.И. Лунева, М.А. Хайдарова. М., 1984.

4 Курочкина Т.И. Иван Николаевич Крамской. Л.., 1989.

Сведения об авторах

Акиньшин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Иванова Мария Александровна, старший научный сотрудник Воронежского областного художественного музея им. И.Н. Крамского.

Комолов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий специалист управления культуры администрации городского округа город Воронеж, старший научный сотрудник АУК ВО «ИКЦ «Дворцовый комплекс Ольденбургских»

Кригер Лариса Валерьевна, доцент кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, советник Российской академии архитектурно-строительных наук, эксперт-консультант правового регулирования застройки исторических территорий ООО «Параметр».

Образцова Людмила Алексеевна, старший научный сотрудник АУК ВО «ИКЦ «Дворцовый комплекс Ольденбургских», член Российского Межрегионального союза писателей.

Попов Павел Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

Содержание

Образцова Л.А. Труды и дни принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской 5

Комолов Н.А. Обзор материалов к биографии принцессы Е.М. Ольденбургской в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга 13

Акиньшин А.Н. Изучение дворцового комплекса Ольденбургских во второй половине XX в. 23

Попов П.А. Опыт историко-архитектурного исследования парадных ворот усадьбы Ольденбургских 36

Кригер Л.В. Особенности усадебного комплекса Ольденбургских «Рамонь» и «Ольгино» и методы градостроительной охраны: зоны охраны – достопримечательное место – историко-культурный заповедник 49

Иванова М.А. Дом Романовых в произведениях из фондов Воронежского областного художественного музея имени И.Н. Крамского 55

Сведения об авторах 62

Научно-популярное издание

Ольденбургские чтения

Материалы краеведческих чтений, посвященных 170-летию со дня рождения принцессы Е.М. Ольденбургской

Научный редактор *Н.А. Комолов*

Художественный редактор *Л.Ф. Попова*

Обложка _____

Корректор *И.А. Тарлыкова*

Компьютерная верстка *Е.В. Саввиной*

Оригинал-макет изготовлен Фондом
«Центр духовного возрождения Черноземного края».
Сдан в печать __.09.15. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бум. _____.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ № _____.

Издательство «Центр духовного возрождения Черноземного края»,
394006, Воронеж, ул. Карла Маркса, д. 68, оф. 608.
Отпечатано в ОАО «Воронежская областная типография»,
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д.73